DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.10
УДК 327

КРИЗИС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 2026 г. КАК ЭТАП СИЛОВОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

ИЛЛЕРИЦКИЙ Никита Игоревич
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра центральноазиатских исследований, Институт Китая
и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)
E-mail: ini@iccaras.ru
SPIN-код: 8985-7380
ORCID: 0000-0002-1944-861X

Для цитирования: *Иллерицкий Н.И.* Кризис на Ближнем Востоке 2026 г. как этап силовой перестройки мировой энергетической геополитики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 2 (14). – С. 130–144. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.10.

Аннотация. В статье исследуется кризис на Ближнем Востоке 2026 г. как проявление процесса глобальной перестройки энергетической геополитики. В работе подробно исследуется топливно-энергетический фактор как один из ключевых драйверов обострения конфликта. Основное внимание уделяется анализу роли Ирана как крупного производителя углеводородов в контексте современных энергетических противоречий, а также анализу энергетической стратегии США, включая сланцевую революцию и формирование новой архитектуры мирового газового рынка. На основе комплексного анализа автор выявляет формирование энергетической трилеммы США, связанной с необходимостью одновременного обеспечения внутреннего рынка, экспорта СПГ и адаптации к снижению объемов добычи. Показано, как эти противоречия могут влиять на геополитическую ситуацию в регионе. Научная новизна статьи заключается в выявлении причинно-следственных связей между энергетическими интересами ведущих мировых держав и обострением геополитической напряженности на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, США, Ближний Восток, нефтегазовая отрасль и рынки, электроэнергетика, энергетическая геополитика.

The 2026 Middle East Crisis as Stage of Power Restructuring of Global Energy Geopolitics

Nikita I. ILLERITSKIY
PhD in Economics, Leading Research Fellow
at the Center for Central Asian Studies, Institute of China
and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
E-mail: ini@iccaras.ru
SPIN-code: 8985-7380
ORCID: 0000-0002-1944-861X

For citation: Illeritskiy N.I. (2026). The 2026 Middle East Crisis as Stage of Power Restructuring of Global Energy Geopolitics. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (14), pp. 130–144. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.10.

Abstract. The article examines the crisis in the Middle East in 2026 as a manifestation of the process of global restructuring of energy geopolitics. The paper examines in detail the fuel and energy factors as one of the key drivers of the escalation of the conflict. The focus is on analyzing Iran's role as a major producer of hydrocarbons in the context of modern energy contradictions, as well as analyzing the U.S. energy strategy, including the shale revolution and the formation of a new architecture for the global gas market. Based on a comprehensive analysis, the author identifies the formation of the US energy trilemma related to the need to simultaneously ensure the domestic market, LNG exports and adapt to lower production volumes. It shows how these contradictions can affect the geopolitical situation in the region. The scientific novelty of the article is to identify the cause-and-effect relationships between the energy interests of the leading world powers and the aggravation of geopolitical tensions in the Middle East.

Keywords: Islamic Republic of Iran, USA, Middle East, oil and gas industry and markets, electric power industry, energy geopolitics.

Краткий обзор историко-экономического контекста

Исламская Республика Иран – крупное государство Передней Азии и один из древнейших цивилизационных центров мира, история которого насчитывает несколько тысячелетий. На протяжении значительной части своей истории Иран[1] входил в число наиболее влиятельных держав, отличавшихся высоким уровнем экономического, общественного и культурного развития. В периоды наивысшего могущества Персидская держава контролировала обширные территории, простиравшиеся от Средиземноморья и североафриканского побережья до Индийского субконтинента. Уже на протяжении многих столетий Иран является государством с исламской

[1] Здесь и далее под Ираном понимаем современную Исламскую Республику Иран и исторические государства, ранее формировавшиеся вокруг Персидского цивилизационного центра.

религиозной традицией, а до второй половины XX в. его политическая система сохраняла форму монархии. Страна занимает стратегически важное географическое положение в центре Евразии, имея выход к Каспийскому морю и через Персидский залив – к мировому океану. Благодаря этому Иран располагается на пересечении исторически сформировавшихся торгово-транспортных путей, связывающих направления Север – Юг и Восток – Запад.

В течение XX в. Иран пережил ряд масштабных социально-экономических потрясений, последствия которых оказали долгосрочное влияние на его развитие и продолжают ощущаться в экономике страны. Подобно многим государствам Востока, Персия на протяжении длительного времени находилась под значительным воздействием западных держав. Уже в XIX в. ведущие европейские государства – прежде всего Великобритания, а также Франция и Германия – стремились укрепить свое экономическое и политическое влияние в Иране, рассматривая его как важный источник ресурсов и сферу экономических интересов[2]. В первой половине XX в. стратегическое значение страны резко возросло после открытия крупных нефтяных месторождений. Добыча нефти осуществлялась преимущественно Англо-Персидской нефтяной компанией (впоследствии преобразованной в British Petroleum), а также рядом других западных компаний. Во время Второй мировой войны британские и советские войска были введены на территорию Ирана, в том числе для обеспечения контроля над нефтяной инфраструктурой и стратегическими коммуникациями[3]. После окончания войны иранские власти предприняли попытку установить национальный контроль над нефтяной отраслью, однако в 1953 г. государственный переворот привел к смене политического курса[4]. К власти пришли силы, ориентированные на сотрудничество с Западом, в результате чего процесс национализации нефтяной промышленности был пересмотрен, а иностранные компании вновь получили значительную роль в управлении отраслью. В последующие годы шах Мохаммед Реза Пехлеви при поддержке американских советников проводил курс модернизации и вестернизации страны.

В 1960-е годы в Иране были проведены масштабные экономические преобразования, которые тем не менее совершенно не учитывали исторически сложившиеся социальные традиции и культурные особенности иранского общества. Несмотря на достаточно высокие темпы экономического роста в этот период и появление новых отраслей промышленности – в частности металлургии, нефтехимии, нефтепереработки и

[2] Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии. – Ташкент, 1981. – 211 с.

[3] Ергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – Москва, 2011. – С. 178.

[4] Dadkhah K. The Oil Nationalization Movement, the British Boycott, and the Iranian Economy, 1950–1953 // Essays on the Economic History of the Middle East. – 1988. – P. 86–107.

машиностроения – результаты реформ оказались противоречивыми. Уже к началу 1970-х годов проявились структурные диспропорции в развитии экономики, усилилась инфляция и возникли проблемы с платежным балансом. Значительная часть населения практически не почувствовала положительного эффекта от преобразований, тогда как новые промышленные отрасли во многом сформировались как государственно-монополистические структуры. Официально реформы провозглашались как шаг к модернизации страны, преодолению наследия традиционной монархической системы и интеграции Ирана в мировую экономику, вплоть до амбициозных планов превращения государства в одну из ведущих экономик мира. Однако на практике значительные доходы от экспорта нефти нередко расходовались неэффективно, а выгоды экономического роста концентрировались у ограниченного круга чиновников, крупных предпринимателей и иностранных партнеров. Параллельно проводилась политика ускоренной вестернизации, сопровождавшаяся ослаблением традиционных культурных норм и распространением западных моделей потребления, что вызвало напряжение в обществе и усилило кризис национальной идентичности[5].

Отсутствие заметного повышения уровня жизни для широких слоев населения и нарастающее социальное недовольство привели к усилению протестных настроений в середине 1970-х годов. Массовые выступления и политический кризис завершились падением монархии и проведением общенационального референдума, по итогам которого 1 апреля 1979 г. была провозглашена Исламская Республика Иран. В новой политической системе ключевая роль была отведена религиозному руководству, а исламские принципы объявлены основой политического, экономического и общественного устройства государства[6].

Экономическая модель после революции резко изменилась: значительная часть частного капитала была национализирована, а крупные сектора экономики оказались под контролем государства, полугосударственных фондов и структур. Одновременно с этим экономика испытала сильный шок из-за войны с Ираком (1980–1988), международной изоляции и санкций. Эти факторы привели к падению доходов и инвестиционной активности и заложили ограничения развития. С конца 1980-х и в 1990-е годы страна перешла к постепенной реконструкции и частичной либерализации экономики, однако ее структура осталась сильно зависимой от нефтяных доходов и государственного сектора. Экономическая динамика стала волатильной: периоды роста совпадали с повышением добычи нефти или временным смягчением санкций, тогда как ограничения

[5] Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. – Москва, 1994. – С. 356–359.

[6] Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки / под ред. А.З. Арабаджяна. – Москва, 1989. – С. 126.

на экспорт нефти и доступ к международным рынкам приводили к замедлению экономики.

В 2000-е годы политико-экономическое развитие Ирана проходило в условиях постепенного усиления конфронтации с западными государствами и расширения международных санкций, связанных прежде всего с ядерной программой страны. Экономика сохраняла сильную зависимость от нефтяных доходов и государственного сектора, а рост во многом определялся колебаниями цен на нефть. Во второй половине десятилетия и особенно после 2010–2012 гг. США и Европейский союз ввели масштабные ограничения на банковскую систему, экспорт нефти и внешнюю торговлю, что привело к резкому замедлению экономического роста, росту инфляции и падению инвестиций. По оценкам исследований, санкции существенно снизили темпы экономического роста и негативно повлияли на занятость, валютный курс и инфляцию в стране. В 2010-е годы экономическая динамика Ирана определялась колебаниями санкционного режима. В 2015 г. было заключено соглашение по ядерной программе Ирана – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), после которого часть международных санкций была снята[7]. Это позволило стране восстановить экспорт нефти и вызвало резкий краткосрочный рост экономики: в 2016 г. ВВП увеличился примерно на 12%, главным образом за счет восстановления нефтяного сектора. Однако в 2018 г. США вышли из соглашения и восстановили жесткие санкции, что вновь привело к экономическому спаду и высокой инфляции. В целом период 2011–2020 гг. многие исследователи характеризуют как «потерянное десятилетие» для экономики Ирана: средние темпы роста составляли около 0,5% из-за санкций, оттока капитала и низких инвестиций[8]. В начале 2020-х годов иранская экономика продолжала функционировать в условиях санкционного давления и ограниченного доступа к мировым финансовым рынкам, опираясь на сотрудничество с ограниченным кругом зарубежных партнеров – в первую очередь с Китаем, а также с Российской Федерацией. После спада конца 2010-х наблюдалось умеренное восстановление: по оценкам исследователей, рост ВВП в 2022–2024 гг. составлял примерно 2–5% в год благодаря росту цен на нефть и расширению ненефтяного производства. Тем не менее экономика характеризуется устойчиво высокой инфляцией и ограниченными инвестициями, что ограничивает экономическое развитие[9].

---

[7] Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Laudati D., Pesaran M.H. Identifying the effects of sanctions on the Iranian economy using newspaper coverage // Journal of Applied Econometrics. – 2023. – № 38 (3). – P. 271–294.

[9] Emami S. Beyond Sanctions: The Resistance Economy as the Islamic Republic of Iran's Policy Discourse for Economic Independence // Journal of World Sociopolitical Studies. – 2024. – № 8 (1). – P. 171–201. – DOI: 10.22059/WSPS.2024.

Топливно-энергетический фактор и геополитика как один из драйверов обострения конфликта на Ближнем Востоке в 2025–2026 гг.

Очередной – и самый мощный за последние десятилетия – виток эскалации на Ближнем Востоке состоялся в 2025–2026 гг. Конечно, анализ исключительно экономических и топливно-энергетических факторов не позволит дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему это происходит: природа и история арабо-израильского конфликта и ирано-израильско-американского противостояния намного глубже, трагичнее, травматичнее и старше проблематики нефтегазовых рынков и энергетической геополитики. Но тем не менее именно топливно-энергетический фактор позволяет понять, и с достаточно высокой достоверностью предположить, почему это произошло именно так и именно в этот исторический момент.

Иран был и остается крупным производителем и экспортером нефти, но нефтяная отрасль страны почти не выросла за последние 35 лет, а баланс нефти структурно почти не изменился. В 1991 г. добыча нефти в Иране составила 174 млн т при экспорте в 126 млн т, в 2017 г. в Иране добыли 235 млн т нефти при экспорте в 155 млн т. Это стало рекордом XXI в., и после провала периода пандемии (менее 150 млн т добычи) эти показатели таких уровней больше не достигали. Основным потребителем иранской нефти (почти 80% экспорта) является Китай, а собственная нефтепереработка и нефтехимия в Иране в последние годы фактически стагнирует – волна роста пришлась на 1990-е годы (тогда в стране были построены, расширены и модернизированы многие НПЗ и нефтехимические предприятия), но с середины 2000-х годов Иран стабильно перерабатывает только 80–90 млн т нефти в год. Добыча и потребление газа в Иране, напротив, выросли почти в 10 раз за 35 лет: с 29 млрд куб. м в 1991 г. до более чем 260 млрд куб. м к 2025 г. И самое интересное, что при этом экспорт газа почти не осуществляется: собственных технологий по крупнотоннажному сжижению газа у Ирана не развилось, а зарубежные, по понятным причинам, были ему недоступны. Трубопроводные проекты газового экспорта, такие как «Иран – Пакистан – Индия», стагнируют по геополитическим причинам, потоки в направлении Европы и Средней Азии крайне невелики из-за конкуренции с Азербайджаном и Туркменистаном. Следовательно, весь добываемый газ направляется на нужды внутреннего рынка, что обеспечило экономический рост и рост промышленного производства в стране, который с высокой точностью коррелировал с темпами газопотребления, особенно в последние годы (рис. 1, рис. 2).

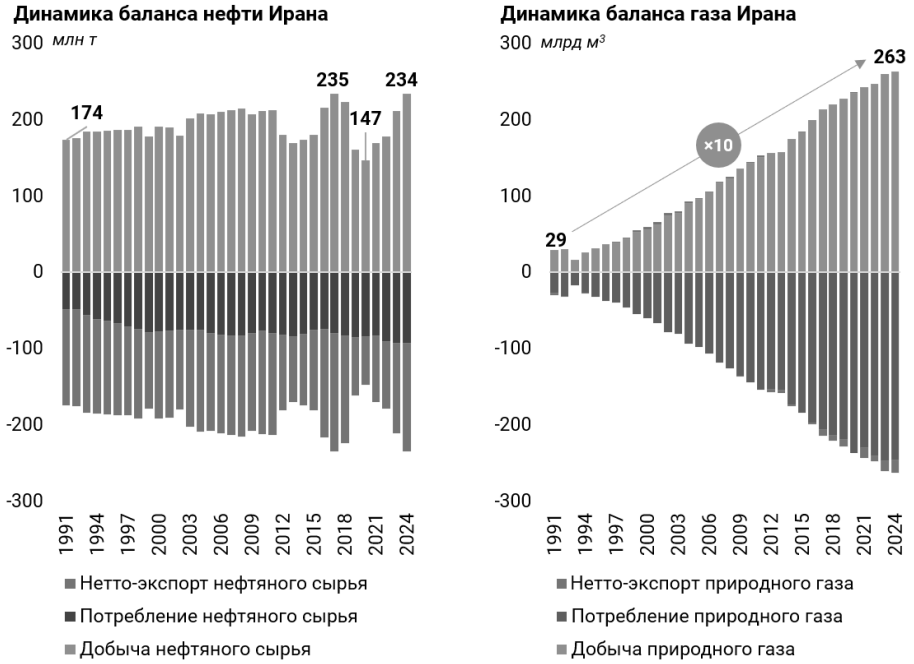

Рис. 1. **Динамика баланса нефти и газа Ирана в 1991–2024 гг.**[10]

Таким образом, Иран совершил колоссальный рывок в развитии газовой промышленности за 35 лет, но это почти никак не повлияло на мировые энергетические рынки: Иран остается последним из крупнейших держателей запасов газа (около 33 трлн куб. м или 17% мировых запасов), которые никак не монетизируются в мировой экономике и не оказывают никакого давления на баланс спроса и предложения в Европе и АТР. Параллель с Венесуэлой – стагнирующая из-за санкционного давления нефтедобыча при крупнейших мировых запасах нефтяного сырья – напрашивается сама собой. Инициаторами, архитекторами и вдохновителями этих санкций в обоих случаях являлись страны Запада, и в первую очередь – США.

[10] EI Statistical Review of World Energy 2025 // Energy Institute. – 2025. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 19.12.2025).

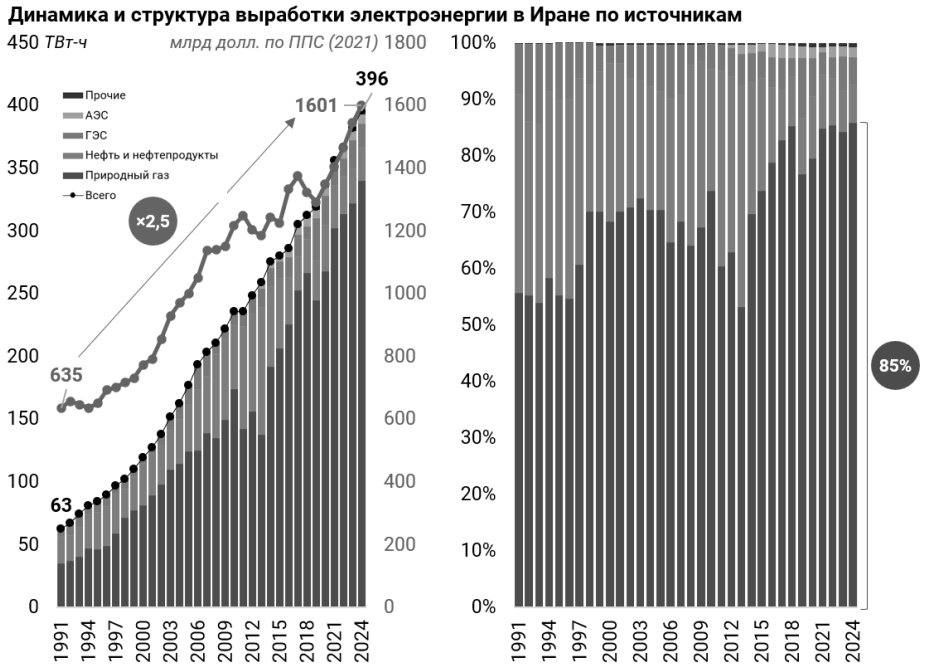

Рис. 2. **Динамика и структура выработки электроэнергии Ирана по источникам в 1991–2024 гг.**[11]

Энергетическая трилемма США и ее геополитическая экспликация

В середине 2000-х годов, а впоследствии – на пике так называемой сланцевой революции, приходящейся на вторую половину 2010-х годов, Соединенные Штаты Америки осуществили стратегический поворот к интенсивной монетизации собственных обширных нефтегазовых ресурсов, разработка которых в предшествующие десятилетия не являлась рентабельной. При этом экономическая эффективность освоения данных ресурсов демонстрировала существенную дифференциацию по видам углеводородов: если добыча нефти из низкопроницаемых коллекторов характеризовалась издержками, превышающими среднеотраслевые показатели мировой нефтяной индустрии, то эксплуатация месторождений сланцевого газа оказалась существенно более рентабельной[12]. В результате

[11] EI Statistical Review of World Energy 2025 // Energy Institute. – 2025. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 19.12.2025).

[12] Mélodie M., Morgan C., Manfred H. Shale gas production costs: Historical developments and outlook // Energy Strategy Reviews. – 2018. – Vol. 20. – P. 20–25. – DOI: 10.1016/j.esr.2018.01.001.

со второй половины 2000-х годов сланцевый газ прочно интегрировался в производственно-стоимостные цепочки североамериканской экономики. Формирование на внутреннем рынке газа США ситуации избыточного предложения при низких ценах создало благоприятные условия для повышения маржинальности газохимического сектора, стимулирования развития газовой электрогенерации, а также инициировало масштабный рост числа крупнотоннажных проектов по производству сжиженного природного газа (СПГ)[13]. В течение рекордно короткого временного промежутка – порядка десяти лет – совокупность факторов, включающая многомиллиардные инвестиционные вливания, масштабирование технологических решений, доступность сырьевой базы и внедрение толлинговой модели («сжижай или плати»)[14], позволила США трансформировать свой статус в сфере производства СПГ: от практически нулевых мощностей до уровня, превышающего 150 млрд куб. м к 2026 г. Эта мощность может быть еще удвоена к началу 2030-х годов, если взять в расчет строящиеся и планируемые проекты не только в США, но и в Канаде и Мексике[15].

Вместе с тем экономический анализ свидетельствует, что в условиях честной конкурентной борьбы американский СПГ изначально не обладал потенциалом для вытеснения российского трубопроводного газа на европейском рынке – фундаментальные различия в структуре производственных издержек, логистических схем и базовых экономических парадигм делали подобную конкуренцию заведомо неравной[16]. Реальное проникновение американского СПГ на европейский рынок, сохраняющий статус премиального и в настоящее время, стало возможным исключительно вследствие вопиющих диверсий – в частности, физического разрушения инфраструктуры газопроводов системы «Северный поток» – в сочетании с целенаправленным воздействием на вектор европейской энергополитики.

Параллельно с указанными процессами происходили существенные трансформации структуры и баланса внутреннего рынка газа в США. В секторе электроэнергетики осуществлялся вывод из эксплуатации устаревающих мощностей угольной теплоэлектрогенерации. В период функционирования администраций Б. Обамы и Д. Байдена их замещение

[13] Rabah A., Thiemo F., Frank P. On the comparative advantage of U.S. manufacturing: Evidence from the shale gas revolution // Journal of International Economics. – 2017. – Vol. 107. – P. 34–59. – DOI: 10.1016/j.jinteco.2017.03.002.

[14] Clews R.J. Chapter 10 – Natural Gas and LNG // Project Finance for the International Petroleum Industry. – Academic Press, 2016. – P. 169–185. – DOI: 10.1016/B978-0-12-800158-5.00010-4.

[15] North America's LNG export capacity could more than double by 2029 // EIA. – 2025. – URL: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=66384 (дата обращения: 19.12.2025).

[16] Федорова Е., Федорова В., Вовкодав К., Каджаева Е. Природный газ и новые источники энергии: путь от конкуренции к синергии // Энергетическая политика. – 2022. – № 7 (173). – С. 26–37. – DOI: 10.46920/2409-5516_2022_7173_26.

осуществлялось преимущественно за счет внедрения возобновляемых источников энергии, а также строительства новых газовых электростанций, отличающихся высокой операционной гибкостью и управляемостью[17]. При этом развитие атомной энергетики стагнировало, а потенциал гидроэнергетических ресурсов был фактически исчерпан. На фоне данных изменений наблюдался постепенный рост спроса на электроэнергию, находившийся в корреляционной зависимости от динамики мировой экономики.

Начиная примерно с 2016–2018 гг. в систему энергопотребления был введен принципиально новый фактор, который допустимо квалифицировать как экзогенный шок («черного лебедя») – стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и сопутствующей инфраструктуры. Речь идет о масштабном наращивании мощностей по обработке, хранению и передаче данных, которые обслуживают не только процессы обучения и эксплуатации нейросетевых моделей, но и инфраструктуру нового поколения телекоммуникационных сетей – включая базовые станции 5G и обширный парк мобильных устройств, требующих регулярной подзарядки. Дополнительным фактором роста энергопотребления стало распространение электромобилей. Кумулятивный эффект от совокупного спроса на электроэнергию со стороны указанных потребителей к настоящему времени существенно превысил прогнозные оценки середины 2010-х годов. Более того, данные сегменты экономики превратились в ключевой драйвер технического прогресса, динамика которого несколько замедлилась в период пандемии COVID-19[18, 19].

Особую сложность ситуации придает тот факт, что значительный объем энергопотребления формируют не только непосредственно элементы ИТ-инфраструктуры, но и сопряженные с ними системы – прежде всего климатические установки, обеспечивающие поддержание оптимального температурного режима для функционирования ИТ-оборудования. Удовлетворение данного спектра энергетических потребностей исключительно за счет возобновляемых источников энергии представляется технически и экономически неосуществимым. Для надежного энергоснабжения указанных потребителей требуется задействование мощных и стабильных генерирующих мощностей, в частности паровых, парогазовых или газотурбинных энергоустановок.

---

[17] Wang D., Dong L., Mei J. An advanced review of climate change mitigation policies in the United States // Resources, Conservation and Recycling. – 2024. – Vol. 208. – P. 1–18. – DOI: 10.1016/j.resconrec.2024.107718.

[18] IEA (2025), Energy and AI // IEA. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-and-ai (дата обращения: 22.12.2025).

[19] IEA (2026), Electricity 2026 // IEA. – URL: https://www.iea.org/reports/electricity-2026 (дата обращения: 22.12.2025).

В период, хронологически совпадающий с началом функционирования второй администрации Д. Трампа, проявилась отчетливая диспропорция между имеющимися мощностями американской электроэнергетической системы и потребностями динамично развивающихся технологических отраслей экономики. Параллельно с этим наблюдалась существенная трансформация конъюнктуры нефтегазового сектора: сланцевая революция, если не достигла завершающей фазы, то, безусловно, вступила в стадию стагнации. Анализ ресурсной базы показывает, что объемы добычи американского сланцевого газа оказываются недостаточными для одновременного обеспечения двух ключевых направлений: наращивания экспортных поставок сжиженного природного газа (СПГ) и удовлетворения растущего спроса внутреннего рынка[20]. Особенно ярко дефицит предложения проявляет себя в сегменте газовой электрогенерации, где за последние пять лет зафиксирован рост потребности в топливных ресурсах на 20 % (рис. 3).

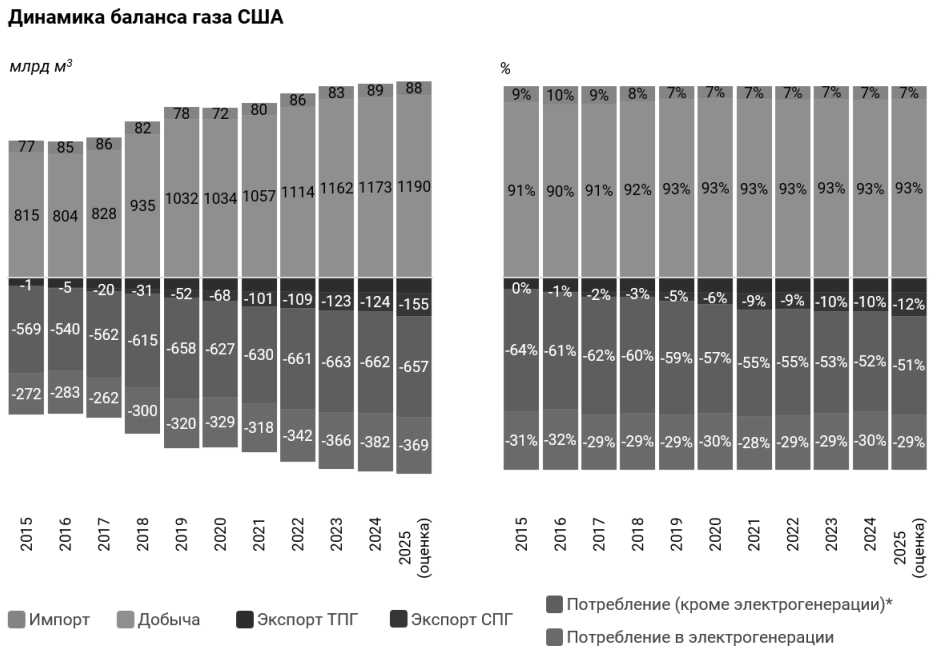

Рис. 3. **Динамика и структура баланса газа США в 2015–2025 гг.**

Источник: EI Statistical Review of World Energy 2025 // Energy Institute. – 2025. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 19.12.2025).

[20] Short-Term Energy Outlook // EIA. – 2026. – URL: https://www.eia.gov/outlooks/steo/ (дата обращения: 22.12.2025).

В результате сформировалась устойчивая тенденция, при которой темпы прироста спроса на природный газ систематически превышали темпы увеличения объемов его добычи. Данное обстоятельство обусловило эскалацию долгосрочных рисков возникновения острой внутренней конкуренции между двумя стратегическими векторами использования ресурса – экспортом СПГ и обеспечением энергетических потребностей национальной экономики. Перед США обозначилась комплексная энергетическая трилемма, включающая три взаимозависимых задачи:

1) гарантированное удовлетворение потребностей тепло- и электроэнергетического сектора (в особенности IT-индустрии и обрабатывающей промышленности);

2) поддержание рентабельности производства и экспортных поставок СПГ – как минимум до момента окупаемости капитальных вложений в инфраструктуру СПГ-заводов;

3) адаптация к объективно прогнозируемому снижению объемов внутренней газодобычи в долгосрочной перспективе.

И, как это принято в американской политической системе, внутренние экономические и энергетические проблемы в очередной раз начали решать за чужой счет – и, что хуже всего, военно-силовым путем, вопреки всем писаным и неписаным нормам, Уставу ООН, международному праву, гуманизму и морали. Анализ текущего вектора энергополитической и военной экспансии Соединенных Штатов позволяет сделать вывод, что ее фундаментальной целью выступает минимизация собственных рисков, сопряженных с прогнозируемым снижением объемов отечественной добычи углеводородов, посредством освоения экстерриториальных ресурсных баз – в частности, нефтяных месторождений Венесуэлы и газовых запасов Ирана. При этом гипотетическая дестабилизация иранского государства и демонтаж существующей политической системы под воздействием внешней военной агрессии рассматривается как потенциально реализуемый сценарий обеспечения доступа к указанным ресурсам.

Официально декларируемая американской администрацией задача свержения государственного строя Ирана, таким образом, обладает латентной мотивацией – созданием условий для проникновения крупнейших американских и, в более широком смысле, западных нефтегазовых корпораций на иранский газовый рынок. Если данный сценарий будет все-таки когда-либо реализован, то это откроет возможность для формирования альтернативных цепочек поставок СПГ, который не будет американским по происхождению – но будет контролироваться западными нефтегазовыми мейджорами. Подобная конфигурация позволит при необходимости осуществить перебалансировку внутреннего газового рынка Северной Америки за счет импорта СПГ из ближневосточных источников с более низкой себестоимостью, одновременно сохранив конкурентные позиции американских экспортеров на премиальных рынках Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (в том числе, за счет своп-сделок). Дополнитель-

ными инструментами достижения указанной цели выступает политика, направленная на максимизацию операционной гибкости поставок СПГ на глобальном рынке на условиях FOB и конструирование механизма «газодоллара», привязанного к ценовому индикатору Henry Hub, – системы, способной функционировать автономно от физических объемов добычи газа в Северной Америке и физических экспортных потоков СПГ из США.

Гипотетический «проамериканский переворот» в Иране способен трансформировать данную страну в стратегического прокси-конкурента Российской Федерации, способного вытеснять российские углеводороды как с европейского, так и с азиатского энергетических рынков. Кроме того, подобная трансформация приведет к ослаблению партнерских отношений Ирана с Китаем и, как следствие, к косвенному укреплению энергобезопасности и геополитических позиций США на экстерриториальной основе. Необходимо также отметить, что бомбардировки иранских НПЗ призваны в том числе ввергнуть страну в состояние сырьевого придатка (т.е. только источника сырья, но не продуктов его переработки для внешних рынков). На наших глазах творится очередной трагичный и опасный исторический прецедент, в котором энергетическая геополитика в который раз стала доминирующим фактором. Могут ли действия России и других стран Мирового большинства повлиять на эти процессы в моменте – вопрос пока еще открытый, но для стран Мирового большинства жизненно важный: очевидно, что никакие переговоры с Западом больше не являются не то, что гарантией – а даже слабой надеждой на справедливое и мирное урегулирование.

* * *

Топливно-энергетический фактор в очередной раз стал одним из ключевых драйверов обострения конфликта на Ближнем Востоке в 2025–2026 гг. Санкционная политика в отношении Ирана и Венесуэлы создала предпосылки для формирования энергетического кризиса, блокируя монетизацию значительных энергетических ресурсов и создавая искусственные дисбалансы на мировом энергетическом рынке. Иран, являясь крупным экспортером нефти, обладает также колоссальными запасами природного газа, но при этом практически не влияет на мировые газовые рынки из-за технологических и геополитических ограничений.

В то же время энергетическая стратегия США в последние десятилетия привела к формированию комплексной трилеммы: страна сталкивается с необходимостью одновременного обеспечения внутреннего рынка энергоресурсами, поддержания экспортного потенциала СПГ и адаптации к снижению объемов собственной добычи. При этом сланцевая революция, несмотря на первоначальные успехи, создала новые вызовы, включая конкуренцию между внутренним и экспортным газовыми рынками. Наш анализ позволяет допустить, что обострение геополитиче-

ской ситуации в регионе во многом определяется попытками США минимизировать собственные долгосрочные энергетические риски и контролировать внешние ресурсные базы. Однако в результате под угрозой оказывается энергетическая безопасность стран Мирового большинства, что в очередной раз подчеркивает необходимость формирования многополярной системы энергетической безопасности и развития альтернативных механизмов сотрудничества в топливно-энергетической сфере между странами, не входящими в западный блок.

Список источников и литературы

1. Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. – Москва, 1994. – С. 356–359.
2. Ергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – Москва, 2011. – 1001 с.
3. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки / под ред. А.З. Арабаджяна. – Москва, 1989. – 556 с.
4. Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 10.03.2026).
5. Федорова Е., Федорова В., Вовкодав К., Каджаева Е. Природный газ и новые источники энергии: путь от конкуренции к синергии // Энергетическая политика. – 2022. – № 7 (173). – С. 26–37. – DOI: 10.46920/2409-5516_2022_7173_26.
6. Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии. – Ташкент, 1981. – 211 с.
7. Clews R.J. Chapter 10 – Natural Gas and LNG // Project Finance for the International Petroleum Industry. – Academic Press, 2016. – P. 169–185. – DOI: 10.1016/B978-0-12-800158-5.00010-4.
8. Dadkhah K. The Oil Nationalization Movement, the British Boycott, and the Iranian Economy, 1950–1953 // Essays on the Economic History of the Middle East. – 1988. – P. 86–107.
9. Emami S. Beyond Sanctions: The Resistance Economy as the Islamic Republic of Iran's Policy Discourse for Economic Independence // Journal of World Sociopolitical Studies. – 2024. – № 8 (1). – P. 171–201. – DOI: 10.22059/WSPS.2024.
10. Energy and AI // IEA. – 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-and-ai (дата обращения: 22.12.2025).
11. Laudati D., Pesaran M.H. Identifying the effects of sanctions on the Iranian economy using newspaper coverage // Journal of Applied Econometrics. – 2023. – № 38 (3). – P. 271–294.
12. Mélodie M., Morgan C., Manfred H. Shale gas production costs: Historical developments and outlook // Energy Strategy Reviews. – 2018. – Vol. 20. – P. 20–25. – DOI: 10.1016/j.esr.2018.01.001.

13. North America's LNG export capacity could more than double by 2029 // EIA. – 2025. – URL: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=66384 (дата обращения: 19.12.2025).
14. Rabah A., Thiemo F., Frank P. On the comparative advantage of U.S. manufacturing: Evidence from the shale gas revolution // Journal of International Economics. – 2017. – Vol. 107. – P. 34–59. – DOI: 10.1016/j.jinteco.2017.03.002.
15. Short-Term Energy Outlook // EIA. – 2026. – URL: https://www.eia.gov/outlooks/steo/ (дата обращения: 22.12.2025).
16. Wang D., Dong L., Mei J. An advanced review of climate change mitigation policies in the United States // Resources, Conservation and Recycling. – 2024. – Vol. 208. – P. 1–18. – DOI: 10.1016/j.resconrec.2024.107718.